

Азербайджан: доминирующий субъект проектов региональной политической трансформации Южного Кавказа

М.А. Платонова

Волгоградский государственный университет

«Новая восточная политика» США, которую начал реализовывать президент Б. Обама, включает в себя несколько регионов: Афганистан, Центральная Азия, Иран, Ирак, Ближний Восток и Кавказ. Очевидно, что кавказская политика, будет ориентирована на участие США в «большой политической трансформации» южного Кавказа, предусматривающую модернизацию государственно-политических систем и ротацию политических элит.

Конфликт между Россией и Грузией в Южной Осетии, по моему мнению, стал следствием обострения политической конкуренции в южно-кавказском регионе за выбор модели, стратегии и ожидаемых результатов «большой политической трансформации». Основные вопросы, которые предстоит решить заинтересованным участникам политической игры, – определение доминирующего «внешнего оператора» модернизации, а также формат его взаимодействия с доминирующим региональным субъектом трансформации.

Несмотря на значительное количество заинтересованных в «южно-кавказской игре» внешних политических субъектов (Россия, США, Евросоюз, Турция, Иран, Китай), основная конкуренция сегодня развернулась между российским и американским проектами трансформации. Очевидно, что российская стратегия опирается на несколько элементов:

- стратегический союз РФ и Армении;
- дружественная коалиция РФ и Азербайджана (основанная, в первую очередь, на общности экономических интересов в энергетической сфере);
- демонтаж грузинского государства и актуального политического режима в Тбилиси;
- предотвращение усиления американского влияния в регионе южного Кавказа.

Российская модель трансформации южного Кавказа, таким образом, предполагает опору на альянс Москвы и Еревана при подключении к нему Баку и нейтрализации Тбилиси. В свою очередь, американская стратегия (до осени 2008 г.) предполагала, во-первых, использование в качестве регионального субъекта для реализации проекта трансформации союз с Грузией при одновременном укреплении отношений с Азербайджаном (через совместные энергетические проекты, а также через «афганской проект» НАТО) и затем постепенный вывод Армении из зоны исключительно российского влияния. Таким образом, США предполагали использовать в южно-кавказской стратегии принцип постепенного привлечения к американо-грузинскому партнерству соседних кавказских демократий и

формирование некоего «общего кавказского сообщества», без разделения его составных элементов на государства «первого» и «второго сорта».

Однако, августовская война 2008 г. в Южной Осетии не только актуализировала проблематику системной трансформации южно-кавказских государственно-политических режимов, но и, фактически, разрушила системообразующий элемент американской модели модернизации региона. Военное поражение Грузии и последовавшая за этим эскалация внутривосточной нестабильности в Тбилиси обострили вопрос о том, кто сможет стать новым актором модернизационного процесса.

Очевидно, что основным претендентом на эту роль выступает Азербайджан. В пользу такого утверждения свидетельствуют несколько факторов. Во-первых, политический режим в Азербайджане является наиболее стабильным на Южном Кавказе. И, в отличие от Грузии, режим не нуждается в экономических «внешних подпорках». Во-вторых, правящие элиты в Баку, при сохранении комплиментарных отношений с Москвой, тем не менее, сохраняют стратегическую внешнеполитическую «равноудаленность»: Азербайджан не так жестко ориентирован на Россию, как Армения, но при этом не позиционирует себя и в качестве «регионального русофобского режима», подобно нынешнему Тбилиси. Это дает Баку уникальную для южного Кавказа возможность для стратегических внешнеполитических маневров. В-третьих, Азербайджан нашел достаточно эффективную формулу сотрудничества с США и государствами НАТО (энергетические проекты и «афганский проект» НАТО), позволяющую выступать не только в качестве «потребителя благ» системы атлантической солидарности (чем «грешила» Грузия), но и в качестве «ресурсного донора» для атлантического сообщества. Азербайджану отводится крайне важная роль в «афганской миссии» НАТО (как существенному элементу «северного транспортного коридора» по снабжению сил ISAF). Причем, «азербайджанский коридор» является транспортной артерией с двухсторонним движением: с запада на восток через Азербайджан осуществляется снабжение афганской группировки НАТО, а с востока на запад (из Центральной Азии в Евросоюз) транспортируются энергоресурсы (трубопровод Тбилиси-Баку-Джейхан, транзит Nabucco). Наконец, в-четвертых, Азербайджан обречен стать важнейшим элементом международной игры вокруг Ирана (Баку может успешно воздействовать на социально-политическую ситуацию в Иране через многочисленную азербайджанскую общину).

Учитывая повышенное внимание к «иранскому вопросу» со стороны США и ЕС, значение «азербайджанского фактора» в регионе будет возрастать. Таким образом, Азербайджан в ближайшее время может взять на себя роль ведущего актора политической модернизации Южного Кавказа.

Говоря о перспективах эволюции южно-кавказских государственных систем, следует отметить три вероятных сценария развития взаимоотношений кавказских демократий:

1) формирование стратегического регионального союза Азербайджана и Армении (на основе «оптимального решения» карабахского вопроса). Несмотря на кажущуюся в настоящее время «фантастичность» такого сценария, на наш взгляд, не стоит его списывать со счетов, тем более, что именно «карабахский вопрос» привлекает к себе растущее внимание, как России, так США и Евросоюза;

2) стратегический союз Азербайджана и Грузии (в этой связи выглядят особенно интересными недавние заявления грузинского президента М. Саакашвили о возможных конфедеративных отношениях Тбилиси и Баку);

3) создание Южно-Кавказского Союза (по аналогии с ЕС), включающего в себя Азербайджан, Армению и Грузию (в перспективе – Абхазию с Южной Осетией).